

Д. С. РАЕВСКИЙ

СКИФЫ. КТО ОНИ И ОТКУДА ПРИШЛИ?

«Наука и жизнь», 1993, № 5

Среди многих народов, некогда населявших территорию нынешней России, а затем исчезнувших с исторической арены, скифы, обитавшие в I тысячелетии до Р.Х. в степях Причерноморья, Приазовья и Предкавказья, стоят несколько особняком и привлекают, пожалуй, наибольшее внимание. Это определяется давно сложившимися представлениями об особой исторической связи между Скифией и Россией.

Унаследованная от далеких исторических эпох, эта романтическая версия долгое время жила в нашей литературной традиции. «Мои отдаленные предки!» – обращался к скифам в своих стихах Валерий Брюсов. И уж практически каждому знакомы строки Александра Блока:

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!*

Представление о «раскосых очах» скифа – откровенный анахронизм в устах поэта. Еще в первой трети XIX века, когда в древних погребениях Причерноморья впервые были найдены достоверные изображения скифов, наука получила бесспорное свидетельство того, что этот народ принадлежал к числу европеоидных. Одна из самых первых и наиболее интересных находок – знаменитый электровый (из природного сплава золота и серебра) сосуд. Его обнаружили в 1830 году при случайных раскопках скифского кургана Куль-Оба в окрестностях современной Керчи (ныне он хранится в Особой кладовой Государственного Эрмитажа). Лица семи изображенных на этом сосуде персонажей исполнены безымянным греческим мастером с исключительной тщательностью. Стоит лишь взглянуть на них, чтобы обнаружить полную несостоятельность представлений о скифе как обладателе «раскосых очей».

Что же стало причиной именно такого восприятия скифа в сознании поэта? Видимо, устойчивый образ причерноморской степи – этого свое-

образного коридора, по которому на Европу одна за другой накатывались волны азиатских завоевателей. Многие из них и в самом деле принадлежали к монголоидной расе. И хотя история этих племен относится к значительно более позднему времени, чем скифская эпоха, это заставляло, тем не менее, и скифов воспринимать как одну из этих волн. Тем более, что на такую идею «работала» не только аналогия с эпохой средневековья, но и достаточно многочисленные прямые свидетельства античных авторов о происхождении скифов.

На исторической сцене скифы появились в VII веке до Р.Х. Именно тогда античный мир, которому мы обязаны большинством сведений об этом народе, вступил в реальное соприкосновение со скифами. Причем это соприкосновение произошло практически одновременно на двух разных «исторических дорогах». Именно в том столетии греческие колонисты, проникавшие в поисках удобных для заселения земель в самые различные области Южной Европы и Западной Азии, начали осваивать северное и северо-восточное побережье Понта Евксинского – Черного моря. Здесь они селились в непосредственной близости от скифов. Память об этой колонизации хранят развалины древнегреческих городов Причерноморья – Ольвии (вблизи современного Очакова), Тирры (в низовьях Днестра), Пантикея (на месте современной Керчи) и других. При раскопках этих городов обнаруживаются разнообразные следы контактов их населения со скифами. Но, с другой стороны, в то же самое время скифы, совершая воинственные набеги на страны Ближнего Востока, достигли Малой Азии и оказались в поле зрения жителей эллинских городов ее западного побережья – Ионии. К этому времени и относятся первые сведения о скифах, зафиксированные в греческой литературе.

По мере того как эллины обживали Северное Причерноморье, древняя Греция знакомилась с другими восточноевропейскими народами и их восточными соседями. Но скифы так и остались в представлении античного мира своеобразным символом северной части обитаемой земли. Некоторые древние авторы – к примеру, историк IV века до Р.Х. Эфор, – описывая эту землю, представлял ее как своего рода четырехугольник, каждая сторона которого связана с одним из наиболее известных народов: северные области, согласно нарисованной им картине, заселены скифами, тогда как южные, западные и восточные – соответственно эфиопами, кельтами и индами. По этой причине имя скифов в античном мире обрело обобщающее значение и зачастую прилагалось к самым разным народам Северной и Северо-Восточной Евразии. Греческие и римские авторы иногда называли Скифией все пространство, лежащее между областью оби-

тания реальных, исторических скифов в Причерноморье и страной мифических гипербореев, якобы населяющих побережье Северного океана.

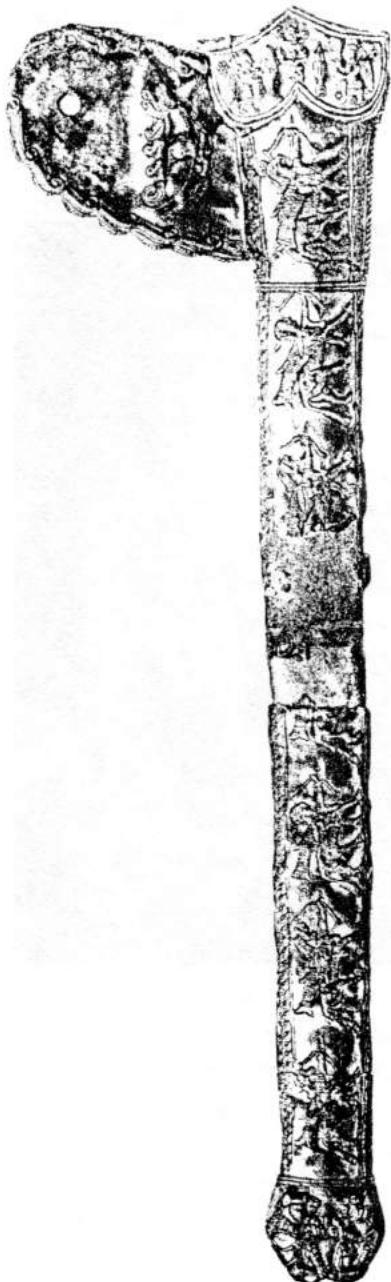
В античной географии существовало представление о Европейской (причерноморско-приазовской) Скифии и о Скифии Азиатской, простирающейся от Гирканского (Каспийского) моря до пределов Серики (Китая). Таким образом, те, кто в наши дни говорит об особом евразийском характере Российской державы, оперируют, по существу, теми же географическими категориями, которые для античного мира стояли за названием «Скифия».

Ученые средневековой Европы, во многом опиравшиеся на традиции античности и пользовавшиеся ее терминами, продолжали именовать земли, лежащие к северу от Черного моря, Скифией, хотя реальные скифы к этому времени уже сошли с исторической сцены. Естественно, что этим именем часто называли и наиболее заметное государственное образование этой территории – Древнюю Русь. Да и сами древнерусские книжники порой оказывались под влиянием такого отождествления. Вот пример. Раннехристианское предание, согласно которому один из учеников Иисуса – апостол Андрей Первозванный – проповедовал «среди скифов», то есть на берегах Черного моря, в русских летописях превратилось в рассказ о том, как Андрей со своей проповедью побывал в окрестностях нынешнего Киева и доходил даже до Новгорода, иначе говоря – до главных центров Древней Руси.

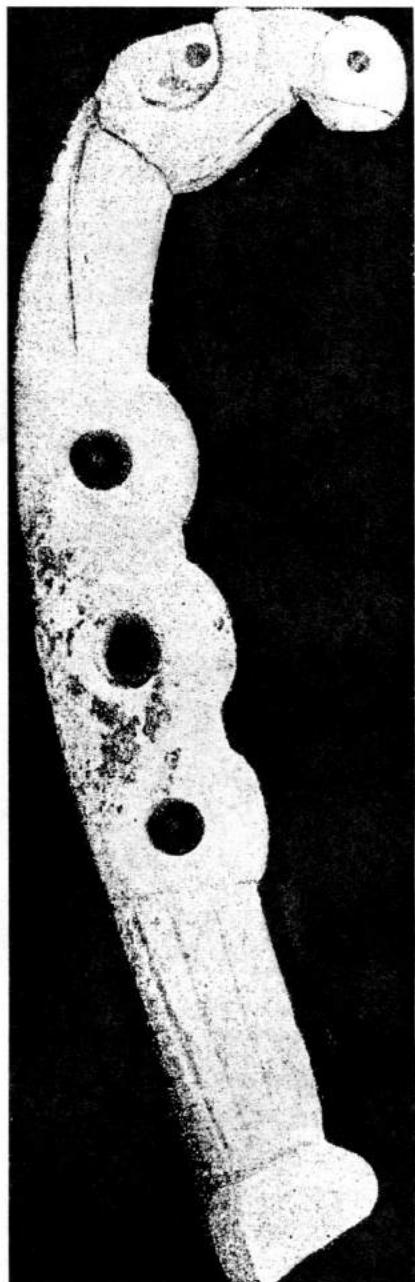
Когда в России начала складываться собственная школа отечественной истории, она на первых порах была под сильным влиянием той же древней традиции. Например, М. В. Ломоносов, обращаясь к поискам «древних родоначальников нынешнего российского народа», полагал, что среди них «скифы не последнюю часть составляли». С развитием исторической науки в эту концепцию были внесены уточнения. Особенно важным здесь оказалось открытие лингвистов, сумевших проанализировать скучные остатки скифского языка, сохранившиеся до наших дней в передаче тех же античных авторов и в древних греческих и латинских надписях. Преимущественно это личные имена и географические названия. Выяснилось, что по языку скифы принадлежали к народам иранской ветви индоевропейцев, в древности расселявшимся по гораздо более обширным территориям, чем теперь. Следовательно, прямой этногенетической связи между скифами и восточнославянским населением Древней Руси (и его прямыми потомками – русскими и украинцами) не существует, что, впрочем, ни в коей мере не отрицает права этих народов числить скифов среди своих культурных предшественников.

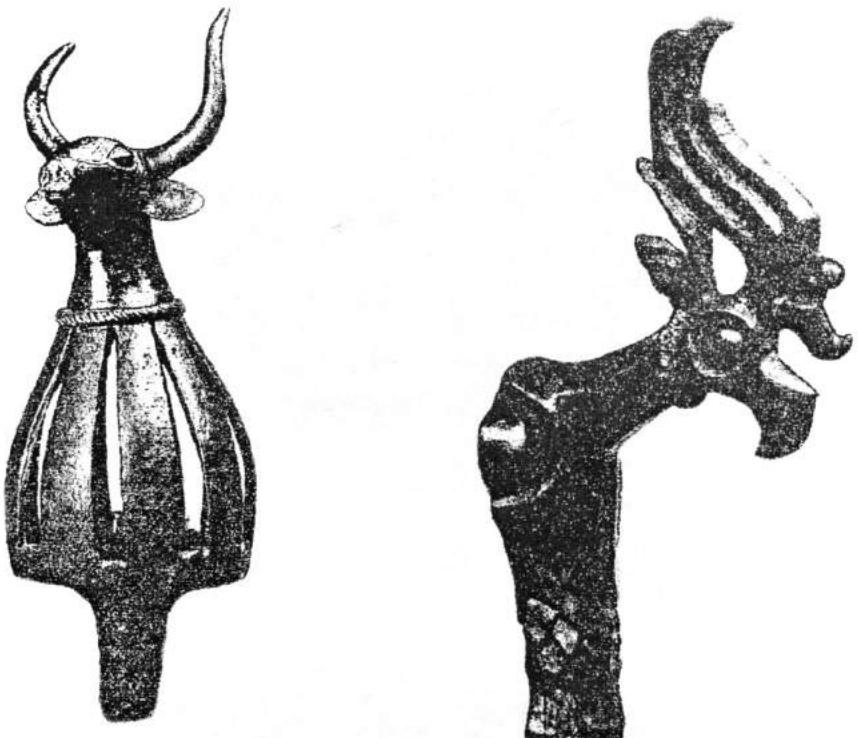
Скифские воины. Эта деталь изображения на чаше из кургана
Гайманова могила наглядно демонстрирует европеоидный
тип скифов. *IV в. до Р.Х.*

Фрагмент золотых ножен парадного меча.
В их убранстве заметно сильное влияние
ассиро-урартского искусства – результат
походов скифов в Переднюю Азию.
Курган Литой (Мельгуновский).
Конец VII в. до Р.Х.

Костяной псалий, оформленный
в «зверином стиле». Среднее
Поднепровье. VI в. до Р.Х.

Бронзовое навершие. Ульский курган
(Прикубанье). VI в. до Р.Х.

Бронзовый конский налобник.
Прикубанье. V в. до Р.Х.

Серебряный сосуд со сценой охоты. Курган Куль-Оба. IV в. до Р.Х.

Бронзовая курильница. Курган Чертомлык. IV в. до Р.Х.

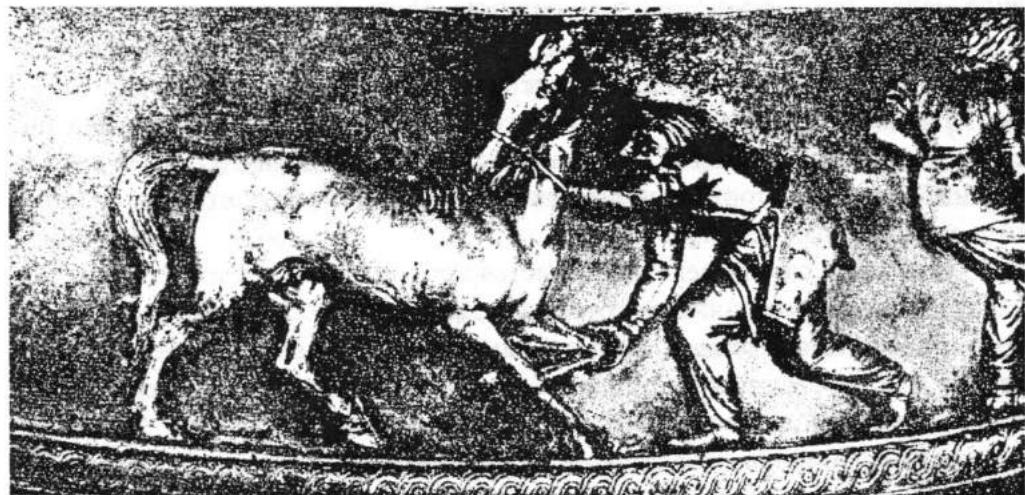
Такие котлы – неотъемлемый атрибут быта кочевников.
Нижнее Поднепровье. V-IV в. до Р.Х.

«Пантера». Бронзовая бляха из кургана Аржан (Тыва).

Предположительно VII в. до Р.Х.

Находки, которые принесли раскопки кургана Аржан, позволили некоторым ученым именно в Центральной Азии помещать родину искусства «звериного стиля».

Коневодство – основа хозяйства кочевых скитов. Скиф с конем. Деталь декора серебряной амфоры из кургана Чертомлык. IV в. до Р.Х.

Наиболее подробные и ценные сведения о скифах – их истории, быте, традициях – сохранил для нас греческий историк V века до Р.Х. Геродот. Он сообщает, что кочевые племена скифов некогда жили в Азии, но затем, теснимые народом массагетов, перешли реку Аракс и вторглись в области Северного Причерноморья, до того заселенные киммерийцами. При приближении скифов, рассказывает Геродот, киммерийцы покинули свою страну (здесь историк приводит некоторые красочные подробности этого события, видимо, восходящие к устным эпическим сказаниям обитателей Причерноморья) и через Кавказские горы бежали в Переднюю Азию. Преследуя их, скифы оказались на территории государств Ближнего Востока, на которые в течение многих лет наводили страх своими набегами и побором дани. Но затем, после нескольких военных и иных неудач, они вернулись в причерноморские степи. Здесь их государство простипалось от нижнего течения Истра (современный Дунай) до Азовского моря (в древности оно называлось Меотидой) и Танаиса (Дона).

Не менее интересен рассказ эллинского историка Диодора Сицилийского. Он жил в I веке до Р.Х., но в своих сочинениях широко использовал источники более ранних авторов. Диодор тоже утверждает, что скифы некогда жили у реки Аракс. Были они тогда слабым и немногочисленным народом, презираемым за свое бесславие. Но затем они обрели силу и завоевали земли вплоть до Кавказских гор и реки Танаис. Позже скифы, по словам Диодора, распространили свое владычество и на области к западу от Танаиса вплоть до Фракии (северо-восток Балканского полуострова), затем вторглись в Переднюю Азию, доходили даже до берегов Нила. Отдаленные отрывочные сведения, перекликающиеся с рассланными, находим мы и у других античных авторов.

Приведенные факты, взятые в совокупности, на первый взгляд рисуют достаточно связную, логичную и полную картину. Однако внимательный анализ историка обнаруживает в ней множество белых пятен, а то и откровенных неувязок.

Одним из самых неясных остается вопрос о том, где именно следует искать ту прародину скифов, откуда некогда началось их продвижение в причерноморские степи, в землю киммерийцев. Слова, что она «находилась в Азии», – слишком общи, особенно если учесть, что для древних греков Азия начиналась сразу за Доном. Не очень помогает и замечание Геродота и Диодора, что область первоначального обитания скифов находилась у реки Аракс. Неясно, какая именно река имеется в виду. Совершенно очевидно, что речь идет не о той закавказской реке, которая носит это название в наши дни, – ведь все древние авторы единодушны в

том, что к югу от Кавказа скифы проникли лишь на следующем этапе своей миграции, преследуя киммерийцев. У современных исследователей нет единого мнения о том, какая же река скрывается у греческих авторов под именем Аракс. Одни считают, что это Амударья, другие отождествляют с Сырдарьей, наконец, третьи называют Волгу. Каждая из точек зрения опирается на свои аргументы, но ни одна из них пока не может считаться вполне доказанной.

Рассказ Геродота о начала скифской истории порождает и другие вопросы. Например, если поверить, что до скифского вторжения киммерийцы населяли те земли, которые позже стали именовать причерноморской Скифией, то непонятно, как могли киммерийцы, убегая от двигавшихся с востока скифов, пересечь Кавказский хребет. Ведь в таком случае получается, что бежали киммерийцы по существу навстречу своим преследователям.

Чем больше подобных неясностей обнаруживалось в рассказах античных авторов о происхождении скифов, тем очевиднее становилось, что свидетельства эти требуют серьезной проверки. Не следует к тому же забывать, что большинство этих рассказов появилось на свет значительно позднее тех событий, о которых они повествуют. Тот же Геродот относит приход скифов в Причерноморье и последовавшее за ним вторжение их в Переднюю Азию к тем временам, когда в Мидии – одном из древневосточных государств, пострадавших от скифских набегов, – правил царь Киаксар. Следовательно, речь может идти о последних десятилетиях VII и самом начале VI века до Р.Х. От эпохи самого Геродота интересующие нас события отстоят не менее чем на полтора столетия, а уж от Диодора – и вовсе почти на шестьсот лет.

Иными словами, все перечисленные авторы черпали сообщаемые ими сведения об интересующих нас событиях из каких-то более ранних источников, возможно и устных преданий. Этим и объясняется острая необходимость проверки меры достоверности античных сведений о ранней истории скифов.

Какие же способы позволяют осуществить такую проверку?

Очень ценные сведения удалось обнаружить современной науке в древневосточных клинописных текстах, в первую очередь ассирийских. В них много раз упоминаются военные отряды, состоящие из представителей народов гимирри и ишкуза, в которых легко угадываются уже знакомые нам киммерийцы и скифы. Эти сообщения не только подтвердили достоверность рассказов античных авторов о вторжениях этих народов в Переднюю Азию, но позволили несколько уточ-

нить датировку этих событий. Так, древнейшее упоминание киммерийцев в ассирийских текстах относится не ко второй половине VII века до Р.Х., а к 714 году, а скифов – к 670-м годам до Р.Х. Судя по всему, античные авторы несколько «спрессовали» во времени интересующие нас события, рисуя многочисленные походы, занявшие чуть ли не полтора столетия, как единовременное вторжение.

К сожалению, сохранилось очень мало клинописных текстов, содержащих информацию о скифах. Восстановить по этим случайным отрывкам реальную историю пребывания скифов в Передней Азии невозможно. Нет никаких сообщений и о том, откуда они пришли. Необходимы новые материалы. Их можно ждать главным образом от археологии, роль которой в освещении интересующих нас вопросов трудно переоценить. Однако, к сожалению, и археология здесь не всесильна.

Скифы, как известно, были в основном кочевым народом, почти не имевшим постоянных поселений, тем более городов. Поэтому большинство находок скифских древностей сделано при раскопках погребений. До наших дней в степях Причерноморья и Предкавказья возвышаются курганы – искусственные холмы, насыпанные в древности над могилами. Первые раскопки скифских курганов относятся еще ко второй половине XVIII века. Так, в 1763 году в окрестностях города Елисаветграда был раскопан курган, вошедший в историю под названием Литого. Называют его также Мельгуновским – по имени генерала А. П. Мельгунова, инициатора этих раскопок.

Уже первые эти раскопки принесли достаточно разнообразный набор древних предметов, в том числе драгоценных, по которым удалось определить, что погребение принадлежит вождю или военачальнику скифской эпохи. Для исследователей особенно интересно то, что среди находок из Мельгуновского кургана есть вещи, выполненные в древневосточном стиле. Таким образом, скифская археология с самых первых своих шагов дала в руки исследователей подтверждение сообщений античных авторов о походах скифов в Переднюю Азию. Впоследствии число подобных подтверждений существенно умножилось.

На протяжении XIX – начала XX века был раскопан целый ряд так называемых царских курганов – погребений представителей скифской знати. Находки из них составляют гордость российских и украинских музеев. Уже в нашем столетии стали систематически раскапывать и многочисленные могильники рядовых скифов, и теперь можно утверждать, что культура скифов Причерноморья известна нам достаточно детально (правда, абсолютное большинство исследованных погребений относится ко времени наибольшего расцвета Скифского царства – к IV веку

до Р.Х.). Опираясь на находки из этих погребений, археологи смогли выделить и памятники более ранних периодов – VII-V веков.

Что представляла собой материальная культура причерноморских скифов? Особой известностью пользуется так называемая «скифская триада»: вооружение, атрибуты конского убора и своеобразное искусство, получившее название скифского «звериного стиля» – яркий набор весьма специфических предметов.

По определению Геродота, «каждый скиф – конный стрелок», и находки археологов подтверждают это. Почти в каждом погребении обнаруживаются остатки лука и бронзовые наконечники стрел (двуухлопастные в ранних могилах, трехлопастные или трехгранные в более позднее время). Характерным предметом вооружения скифа был и акинак – короткий меч с рукоятью особой формы. Знали скифские воины и длинные мечи, из которых самые, пожалуй, известные найдены в уже упоминавшемся Мельгуновском кургане и в одном из курганов Келермесского могильника в Прикубанье. Оба эти меча украшены в древневосточном, ассирио-урартском стиле и относятся как раз ко времени вторжения скифов в Переднюю Азию, где местные мастера изготовили эти мечи, вероятно, по специальному заказу для скифских вождей. Пользовались скифские воины и железными копьями, и боевыми топорами – оружием, фигурирующим даже в скифской мифологии в качестве символа воинского сословия.

Другой элемент «скифской триады» – предметы конского снаряжения. На протяжении скифской эпохи они существенно менялись. Важнейшие детали скифской конской узды – удила и псалии (специальные стержни, располагавшиеся по сторонам от рта лошади и служившие для соединения удил с ремнями оголовья и с поводьями). Поначалу конский убор скифов был бронзовым (псалии, впрочем, делали и костяные), позже на смену пришла железная узда. Форма конского убора – достаточно четкий хронологический показатель, позволяющий более или менее точно датировать каждое скифское погребение, содержащее эти предметы.

Но, пожалуй, самым ярким элементом «скифской триады» – да и всей культуры скифов в целом – является так называемое искусство «звериного стиля». Скифы не знали монументального искусства, за исключением каменных изваяний, которые они устанавливали на вершине кургана. О мастерстве скифских художников мы можем судить лишь по произведениям малых форм, по тому, что в наше время называют декоративно-прикладным искусством. По причинам, еще не вполне ясным для исследователей, в скифском декоративном искусстве почти нет изображений человека, а встречаются в основном изображения зверей. При этом как

набор воплощаемых персонажей, так и их позы и способы изобразительной трактовки были строго каноничными, отсюда и термин – «звериный стиль».

Это и в самом деле весьма специфическая художественная манера. Ее излюбленные мотивы – олень (в меньшей степени – иные копытные), хищники (преимущественно из породы кошачьих) и хищная птица. Ими украшали оружие, конское снаряжение, предметы ритуального назначения, детали одежды. Материалом для произведений «звериного стиля» служили золото, бронза, кость.

Что еще характерно для скифской материальной культуры? Большие бронзовые котлы – атрибут кочевого быта и так называемые навершия, венчавшие ритуальные столбы, использовавшиеся при совершении различных обрядов. Навершия делали из бронзы или железа, украшали скульптурными изображениями в «зверином стиле».

По мере того как историки накапливали все больше материала о скифской культуре, росло стремление решить загадку, которую оставили нам античные авторы: определить, где же была прародина скифов и уточнить время их движения в Восточную Европу. Казалось бы, ответить на эти вопросы не так трудно.

Археологические исследования, в самом деле, показали, что предметы, похожие на скифские, были в то время в широком ходу по всему пространству евразийского степного пояса – как в западной (европейской), так и в восточной (азиатской) его частях. Такое культурное единство, прослеживаемое на огромной территории, породило даже специальный термин – «скифо-сибирское культурно-историческое единство». В этих условиях археологи видели свою задачу в том, чтобы, сравнив даты памятников этого круга, выявить, где же именно такая культура появилась ранее всего, и таким образом локализовать прародину скифов. А поскольку свидетельства античных авторов говорят о приходе этого народа из Азии, то представлялось очевидным, что наиболее ранние следы этой культуры следует искать где-то на востоке евразийских степей.

В разное время на роль прародины скифов претендовали различные места изучаемого пространства. В 1960-х годах замечательные находки в курганных могильниках Тагискен и Уйгарак в низовьях Сырдарьи породили гипотезу о формировании скифской культуры именно в этих, западных областях Средней Азии. К середине 1970-х годов, после сенсационных находок в царском кургане Аржан (территория современной Тувы), внимание археологов привлекла Центральная Азия. Сложилась даже целая археологическая школа, представители которой полагают, что именно

в глубинах Центральной Азии зародилась та скифская культура, которая затем распространилась на всем протяжении евразийских степей и уже в готовом виде была принесена в Причерноморье и Предкавказье.

К сожалению, и первая, и вторая, и многие другие гипотезы вызывают серьезные возражения. Самое существенное: скифо-сибирское культурно-историческое единство при ближайшем рассмотрении отнюдь не столь однородно, как это может показаться на первый взгляд. Племена, населявшие обширную территорию Евразийских степей, несомненно отличаются известным культурным единообразием. Но внимательный анализ обнаруживает между ними и существенные различия. Та же «скифская триада», характерная для всех, на разных территориях имеет и свои, сугубо самобытные особенности. По существу, мы имеем право говорить не о единой «скифской культуре» на всем этом огромном пространстве, а о нескольких самостоятельных культурах, вступивших во взаимодействие, влиявших друг на друга, но при этом сохранявших своеобразие.

Особенно показателен в этом отношении «звериный стиль» скифской эпохи. Как и иные элементы триады, он получил распространение в самых разных культурах той эпохи. Но ни в одной области Евразии мы не найдем памятников, которые можно было бы считать видом искусства, знакомого нам по находкам из Причерноморской Скифии. Это же относится и к находкам из кургана Аржан, даже если они в самом деле по времени предшествуют причерноморским.

В последнее время появилась еще одна гипотеза о возникновении скифской культуры, основанная как раз на критике предыдущих. Ее сторонники полагают, что культура эта сформировалась не где-то на востоке Евразии, откуда в готовом виде была принесена в Европу, а складывалась на юге Восточной Европы в эпоху скифо-киммерийских вторжений в Переднюю Азию. Причем под сильнейшим воздействием древневосточных культур, в соприкосновение с которыми скифы в это время вступили. Именно так возник, в частности, тот вариант «звериного стиля», который принадлежит скифам Предкавказья и Причерноморья. Другие характерные для культуры скифов элементы сложились в это время на местной восточно-европейской основе. Зоной формирования этой раннескифской культуры были по преимуществу степи Предкавказья, откуда и шли вторжения скифов в страны Ближнего Востока.

Примерно тогда же происходило оформление и иных культур скифо-сибирского единства. Сходство же между всеми этими культурами можно объяснить не столько наличием какого-то общего центра, сколько теснейшими контактами между обитателями разных областей евразийской степи. В условиях кочевого быта такие контакты приводили к очень

быстрому распространению разных культурных явлений по всему степному поясу

Что же касается античных преданий о приходе скифов из Азии, то, очевидно, это переселение состоялось, но происходило оно, когда сложившейся скифской культуры еще попросту не существовало. Проследить это переселение археологическими методами очень трудно. Ведь это было передвижение племен в пределах зоны распространения достаточно однородных культур рубежа бронзового и железного веков. В ту пору такие перемещения в междуречье Дона и Волги были весьма частыми. Память об одном из них, видимо, и сохранило скифское предание, позже воспринятое и записанное античными историками.

Такова картина на сегодняшний день. Может быть, завтра нам удастся прочитать новые страницы такой отдаленной во времени, но столь притягательной для нас отечественной истории.

D. S. RAEVSKY

SCYTHIANS. WHO THEY ARE AND WHENCE CAME?

SUMMARY

Among many peoples, once inhabited the territory of present Russia, and then missed from historical arena, Scythians of the I millennium B. C. occupy a little independent position and attract, perhaps, the greatest attention of the researchers. On a historical stage Scythians appeared in VII c. B. C. It was then that the Greek colonists, penetrated in search of land, convenient for setting, into the various areas of Southern Europe and Western Asia, begun to master northern and northeastern coast of the Black Sea. Here they settled in immediate proximity from Scythians who on language belonged to the peoples of the Iranian branch, and in antiquity settled on much more extensive territories, than now.

Archaeological research has shown, that the subjects similar to Scyths' were in that time widespread on all space of the Euroasian steppe zone as in western (European), and in eastern (Asian) parts. Such cultural uniformity traced on a huge territory, has caused even the special term – Scytian-Siberian cultural unity. At the same time the attentive analysis finds out essential distinctions in it. The same "Scythian triad", characteristic for all Scythians in different territories, has also its own especially original features. In essence, we have the right to speak

not about the uniform “Scythian culture” on all this huge space, but about the several independent culture interaction between themselves and influencing each other, but saving their originality at the same time.

The animal style “of the Scythian epoch is especially indicative in this respect” As well as the other elements of a triad, it has received the distribution in the most different cultures of that epoch.

According to the antique legends Scythians came from Asia to the Northern Black Sea region. The resettlement was esecuted, but at that time the Scythian culture still simply did not exist. It is very difficult to look after this resettlement by archaealogical methods. It was the movement of tribes within the limits of a zone of distribution of rather homogeneous cultures of a boundary of bronze and iron centuries. In that epoch such movings in the Don and Volga area were rather often. The memory about one of them was, probably, saved in one Scythian legend later recognized and written down by the antique historians.